

Česnokov, Ivan Ivanovič

**Русские лингвострановедческие реалии как концепты
национального менталитета**

Opera Slavica. 2002, vol. 12, iss. 2, pp. 26-32

ISSN 1211-7676

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/117759>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

РУССКИЕ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЕ РЕАЛИИ КАК КОНЦЕПТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА

И. И. Чесноков (Hradec Králové)

В общем процессе гуманизации языкознания в течение последних десяти лет со всей очевидностью прослеживается тенденция к изучению роли человеческого фактора в языке. Обращение к этой теме свидетельствует «о переходе от лингвистики «имманентной» с ее установкой рассматривать язык «в самом себе и для себя» к лингвистике антропологической, предполагающей изучать язык в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью (4., с. 8).

Все более значительное место отводится антропологической лингвистике в общей парадигме человековедческих наук. Высказывается мнение о том, что «наступило время языка в философии, в культуре, в ментальности» (3., с. 3).

В данном контексте значительный интерес для лингвиста представляет изучение концептов (власть, вера, любовь, честь, совесть и др.), в которых отражается характер человеческих отношений в данном социуме, за которыми, в конечном счете, стоит национальный тип человека – главная реалья страны изучаемого языка.

Отдавая себе отчет в том, что концептуальная картина мира богаче языковой (в ее формировании участвуют и невербальные формы мышления), мы, тем не менее, обращаемся к языку, так как в его семантику трансформируется историко-культурный опыт нации, так как язык является средством формирования и экспликации концептов, из определенной иерархии которых и складывается национальный менталитет.

Исследовательский интерес при этом вызывает то, как данные концепты представлены в сознании рядового носителя языка, и потому рассматриваются как элементы бытового уровня национальной языковой картины мира (ЯКМ).

Учитывая то обстоятельство, что концепт как семантический эскиз, представленный «в виде образа, понятия и символа» (3., с. 156), может выражаться не только в форме лексической единицы, но и пропозиции высказывания (4), мы расширяем анализируемый материал, включая

в сферу исследования и предикативные единицы, что, в свою очередь, направлено на более адекватное его описание.

В рамках настоящей статьи рассмотрим концепт «власть», в основе которого, представляя субъектно-объектные отношения, лежит идея обладания, и в развитии которого обнаруживаются два вида взаимосвязанных отношений: внутренние, выражающиеся в противоречии рационального и эмоционального и сводимые к вопросу о власти над собой, и внешние, проявляющиеся в подчинении человека человеку.

История показывает, что русскому человеку всегда было легче овладеть территорией, знаниями, техникой, искусством..., чем самим собой. Неслучайно русским языком накоплено множество пословиц и поговорок о необходимости обуздания страстей. («Кто воли своей не переможет, тот и счастлив быть не может», «Воля и добра мужа портит» и др.)

Особое значение в этом контексте имели и ключевые ориентиры средневековой концептуальной картины мира (ККМ) **царь – БОГ – народ**, которые посредством непреходящих категорий – **благодати и закона** – увязывали в единый узел проблемы внутренней и внешней субординации.

Божья воля (благодать) обеспечивает внутренний порядок, обращая интеллектуальный поиск смысла бытия не к истине, а к правде.

Воля царя (помазанника божьего) в ореоле благодати предстает как закон, гарантирующий вечный общественный порядок.

Провозглашая приоритет чувственного над рациональным, данная идеологическая схема предопределила формирование и внутренней, и внешней субординации на основе **нравственных** (не гносеологических) категорий.

Такое (с точки зрения внутренних связей – иррациональное) триединство было воспринято народным сознанием как данная свыше справедливость, что в весьма категоричных формах утвердилось в языке. («Все в мире творится не нашим умом, а Божьим судом», «На все воля Божья», «Все люди Божии да государевы», «Воля царя – воля Божья», «Воля царя – закон» и др.)

Однако любовь по Иисусу Христу в парадигме русской веры никогда не была в устойчивых связях с послушанием.

Зная себя («Гром не грянет – мужик не перекрестится»), русский человек «отдавался» царям, «и жестоким, и милосердным», а в глубине души всегда жил по принципу – «Семь бед – один ответ».

Поэтому воля (власть) царя просто была обречена на то, чтобы быть сильной, иначе ей никто бы не подчинился, даже внешне.

(Абсолютизм как фактор антропологический – внутренне неограниченное проявление воли – отражается не только на соответствующей форме государственного правления, но обнаруживается и до-, и после- и на всех этажах государственной власти.)

Сильная воля может подчиниться лишь еще более сильной воле – по этому пути и пошла Россия. И на этом пути никогда не жила рекомендациями, только приказами.

В рекомендации нет решительности, нет уверенности в себе со стороны отправителя речи. В ней нет непрерываемости. Она далека от дела.

Все это есть в приказе. У него другая энергетика, другой антропологический подтекст. Приказ ближе к действию. А решительный, уверенный в себе человек и дело (действие) всегда оценивались положительно.

Возможно, с этим связано традиционное русское небрежение к совещательно-законодательной власти. Ведь она, занимаясь слово(законо)творчеством, рекомендует, но не решает, ее слова не всегда превращаются в дела (а эти факторы традиционно расцениваются как болтовня).

В данном контексте следует обратить внимание на то, что известный тезис – слово есть дело – отражает позицию человека, занимающегося интеллектуальным трудом. В народном сознании слово противопоставлено делу, и в тезисе – меньше слов, а больше дела – представлен человек, 1) либо верующий (для него все слова уже сказаны), 2) либо неверующий (ему слова не нужны), но в каждом случае – занимающийся физическим трудом.

В русской традиции из профессионального легко выводится и социальный статус. Однако как различия в позициях, так и сами позиции приобретают характер второстепенности на фоне более важного человеческого свойства – воли.

Русская идиома «без царя в голове», отрицательно оценивающая интеллектуальные параметры человека, неслучайно указывает не на отсутствие или недостаток мыслей-дум (Дума) – их у нас вдоволь –, а на отсутствие вершинного, организующего компонента – царя.

Царь – это не просто символ могущества, это – приоритет воли над разумом, приоритет, закрепленный в языковой семантике. Идеальное устройство головы – с царем – есть идеальное устройство государства.

Между тем, существенное противоречие между идеализированной концептуальной и реальной картинами мира проявлялось в том, что в синкретичное народное представление о божьей-царской воле-благодати-законе-справедливости не вписывалась воля посредников между

людом и царем. («Судья, что плотник, что захочет, то и вырубит», «Воеводою быть – не без меда жить» и др.)

Воля лиц – носителей власти, проявлявшаяся в аспекте своеволия, спровоцировала едва ли не самый существенный концептуальный сдвиг – распад синкретизма – многочленной нулевой оппозиции и формирование на ее месте соотносимых друг с другом привативных: воля – закон (своеволие) и сила – правда (насилие).

Понимание того, что «Бог – высоко, а царь – далеко», означало как бы освобождение от высоких истин и переход от «символизма» к «реализму» (ведь релевантным было то, что «...не жалует псарь».)

Вопреки свойственному русскому уму целостному восприятию мира, но в полном соответствии с его практичностью человек обращается к немаркированным (законом) членам оппозиции.

В недрах такого сознания происходит семантическая транспозиция поговорки «Не помажешь – не поедешь»: от «смазки колес в телеге как условия успешного движения» к «даче взятки властной персоне как условию успешного продвижения своего интереса».

Кроме этого усиливается и без того свойственное русскому человеку эмоционально-протестное отношение к несправедливости. Родается русский бунт, опирающийся на сильную волю и фатализм. («Или корень вон, или полон двор», «Хотя на час, да вскачь» и др.

Вероятно, и смена концептуальных ориентиров **царь – БОГ – народ** → **партия – КОММУНИЗМ – народ** была обусловлена не столько тяготами жизни, сколько ощущением ее несправедливости (правоискательство – сугубо русская черта.)

Новая схема ККМ, сохранявшая структурное триединство **лидер (вождь) – СВЕРХИДЕЯ – народ**, идеологически устраняла благодать и, предлагая взамен Моральный кодекс строителя коммунизма, освобождала волю «царя» – закон от Бога.

Была продолжена традиция символизации народного сознания. Общественная идеология говорила: «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны», «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи» и т. д., а общественная психология (уже в эпоху «развитого социализма») отвечала: «Прошла зима, настало лето – спасибо партии за это».

Новая концептуальная модель, нацеленная изначально на демо- была реализована в партюкратию, а **лицо-носитель власти** по-прежнему проявлялось и в законе, и в своеволии.

Любопытно в связи с этим взглянуть на то, как в русском речемыслительном сознании персонифицирована сегментация административного пространства.

Вместо вопроса «В каком отделе ты работаешь?» мы часто можем услышать «У КОГО в отделе ты работаешь?». Ср. с тем, как было пятьсот лет тому назад: «Ты чьих будешь?».

Идея принадлежности (человека человеку), восходящая к эпохе феодальных отношений, в современной конструкции значительно ослаблена (чьих – чей – у кого), но лицо, тем не менее, присутствует, совмещая в себе и административный, и характерологический признаки подразделения.

Еще более любопытно выглядит структура и содержание семантического поля «лицо-носитель власти».

Ядро данного поля образуют слова-термины (князь, царь, император, председатель, президент, воевода, дьяк, губернатор, мэр, начальник и мн. др.), которые, группируясь в парадигмы по различным семантическим параметрам (эпоха, иерархия, функция и т. д.), представляют номинальные признаки персонифицированной власти.

Периферия поля фирмируется из слов-символов («Дьяк у места, что кошка у теста», «Рука руку моет», «Ты начальник – я дурак, я начальник – ты дурак» и др.), в которых в оценке народного сознания выражаются реальные признаки лица-носителя власти.

Нельзя не обратить внимания на лексико-семантическую динамику поля в аспекте «оживления» историзмов.

Если слово «губернатор», наполняясь новым содержанием, используется в современном языке как слово-термин в процессе денотативной номинации, то «удельный князь» употребляется лишь как единица вторичной (образной) номинации и выполняет сугубо характерологическую функцию.

Называя отдельных губернаторов удельными князьями, носитель языка использует последнюю номинативную единицу как символ сепаратизма.

Время перерабатывает содержание значения слова как на понятийном (денотативном), так и коннотативном уровне, и концепт получает развитие.

Современные ориентиры ККМ **лицо-носитель власти – ЗАКОН – человек(народ)**, воплощающие идею демократии, развиваются на фоне психологически устойчивой схемы **закон – ЛИЦО-носитель власти – народ**. Устойчивость последней объясняется не только особой ролью

антропологического фактора в развитии концепта «власть», но и тем, что русский человек внутренне никогда не жил юридическими категориями (грех, стыд, срам, а также офицерская честь, карточный долг, купеческое слово и др. – эти категории предполагают прямые контакты, без посредства закона, им в иерархии ценностей всегда отводилось более высокое место, чем юридическим, в них заключается и этика, и эстетика человеческих отношений).

Дальнейшее развитие человека, общества и государства пополнит изучаемый концепт новым содержанием (еще неясно, какое место займет в нем Бог).

Пока же можно отметить, что обнаруживаемые в его развитии оппозиции (нулевая – привативная – эквиполентная) отражают общий процесс демифологизации народного сознания, проявляющийся в переходе от эмоционально окрашенных символов к рационально очерченным правилам.

Подобного рода исследования помимо общетеоретической имеют и лингводидактическую ценность, так как направлены на овладение студентами знаниями о концептуальных параметрах русской языковой личности. Описанный материал может быть использован и в методических целях – при создании лингвострановедческих учебных пособий.

В современных курсах по русскому лингвострановедению преимущественно изучаются реалии – вещи через слова – понятия. Поставив в центр исследования концепт, мы обнаруживаем более глубокие и многоаспектные связи между словом и вещью и в этом видим своеобразный переход от номинализма к реализму.

Литература:

- БЕРДЯЕВ Н. А.: Судьба России. М. 1991.
 НИКОЛАЕВ Г. А.: К вопросу о заключительной ремарке трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов»// Изучение и преподавание русского слова от Пушкина до наших дней. Волгоград: ВГУ, 1999.
 КОЛЕСОВ В. В.: «Жизнь происходит от слова...». С.-П.: Златоуст, 1999.
 СЕРЕБРЕННИКОВ Б. А., КУБЯКОВА Е. С., ПОСТОВАЛОВА В. И. и др.: Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988.

- СТЕПАНОВ Ю. С.: Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
- УФИМЦЕВА А. А.: Роль лексики в познании человеком действительности и формировании языковой картины мира.// Роль человеческого фактора в языке. М., 1988.
- CHINYAEVA E.: Russian Emigré Intellektuals in Prague: Development of Eurasianism.// Rossica N1/98–9.

Словари и справочники:

- ЗИМИН В. И., АШУРОВА С. Д., ШАНСКИЙ В. Н., ШАТАЛОВА З. И.: Русские пословицы и поговорки (учебный словарь). М.: «ШКОЛА-ПРЕСС», 1994.
- МИХЕЛЬСОН М.И.: Ходячие и меткие слова. М.: « ТЕРРА – TERRA», 1994.
- СНЕГИРЕВ И. М.: Словарь русских пословиц и поговорок. (Русские в своих пословицах.) М.: «ТЕРРА – TERRA», 1997.
- ФАСМЕР М.: Этимологический словарь русского языка. М. 1973.
- Фразеологический словарь русского языка./ Под. ред. А.И. Молоткова. М., 1968.